

Восточный вопрос в политико-географическом учении В. И. Ламанского*

А. В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Малинов А. В. Восточный вопрос в политико-географическом учении В. И. Ламанского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 594–611. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.413>

В статье рассматриваются взгляды крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) на Восточный вопрос. В качестве источников используются как опубликованные работы ученого, так и его рукописи. Отмечается, что, опираясь на идеи славянофилов, Ламанский сформулировал оригинальное цивилизационное и политико-географическое учение, которое нашло развитие в концепции евразийцев. Указывается, что особенностью подхода Ламанского был широкий философско-исторический и всемирно-исторический взгляд на восточный вопрос. Он показывал, что значение восточного вопроса не сводится к соперничеству с Турцией, освобождению южных славян, захвату Константинополя и контролю над проливами. Согласно Ламанскому, Восточный вопрос — это вопрос о цивилизационных разломах в Восточной Европе и Малой Азии, которые приводят к противостоянию двух цивилизационных миров: германо-романского и греко-славянского, или Среднего мира. Основные границы греко-славянской цивилизации совпадают с пределами Российской империи, однако неустойчивой остается западная граница этого самобытного мира. Ее определение и составляет главное содержание восточного вопроса. Политическая конфигурация греко-славянской цивилизации лучше всего соответствует идее единой христианской империи, допускающей различные формы правления на разных территориях. Однако в Российском государстве как крупнейшем представителе Среднего мира реализовался другой тип империи — европеизирующегося государства, которое не соответствует ее всемирно-исторической задаче. Восточный вопрос, таким образом, — это вопрос о взаимных отношениях германо-романского и Среднего мира. Ламанский показывал, что его решение не может быть чисто военным. Благоприятное для Среднего мира разрешение Восточного вопроса будет являться следствием его успешного внутреннего развития.

Ключевые слова: Восточный вопрос, славянофильство, империя, Ламанский, цивилизация, политическая география, граница.

Откликаясь на смерть Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), его зять В. П. Семенов-Тянь-Шанский писал о нем как о главе «исторической школы русских славистов», который заложил основы «русской школы антропогеографов

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00153 (Санкт-Петербургский государственный университет).

и политикогеографов» [1, с. 19, 20]. Политико-географическое учение Ламанского, полнее всего выраженное в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), стало завершением концепции, которую он разрабатывал с конца 1850-х годов, опираясь на идеи славянофилов. В итоге он вышел далеко за пределы славянофильской программы, сформулировав оригинальное цивилизационное учение, получившее развитие уже в XX в. у евразийцев. До сих пор истоки цивилизационного подхода в отечественной науке связывают исключительно с именами Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева [2]. Взгляды Ламанского оказались в тени их учений, хотя с большой долей вероятности можно утверждать, что именно личное знакомство с Ламанским и его идеями, сформулированными ранее, подтолкнуло Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева к разработке собственных концепций. Сравнение подхода Ламанского с идеями лидера ранних славянофилов А. С. Хомякова демонстрирует существенное расхождение их взглядов [3]. Интерес к Ламанскому в современной отечественной историографии во многом инициирован именно евразийским прочтением его идей (подробнее см.: [4–8]).

Взгляд на цивилизации с точки зрения политико-географической науки, которая только заявила о себе в конце XIX в., действительно, отчасти сблизает учение Ламанского с евразийством. Ламанский впервые заставил говорить о себе как об оригинальном ученом, опубликовав в 1859 г. книгу «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», за которую в начале 1860 г. получил степень магистра. Развивая высказанные в ней идеи, он впоследствии указывал на совокупность признаков цивилизационного единства: географические, этнографические, историко-культурные и религиозные. Так, в начале трактата «Три мира Азийско-Европейского материка» он писал, что географическое многообразие и природные богатства «помогли развитию крайнего разнообразия, этнографического и культурного, содействовали образованию великих и сильных племен. <...> Вглядываясь ближе во внешний вид, состав населения и историко-культурный характер Азийско-Европейского материка, мы заметим в нем три крупные части, три великие отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями» [9, с. 2]. Ламанский пишет здесь о собственно Европе, Азии и Среднем мире (восток для Европы и север и запад для Азии). Не рассматривая подробно особенности цивилизационного развития Азии, он сосредоточился на анализе взаимных отношений Европы и Среднего, или греко-славянского, мира. Можно сказать, что вся философия истории Ламанского сводилась к выявлению глубинных оснований противоречий двух цивилизационных миров, романо-германского и греко-славянского, которые проявляются в многообразных фактах истории и современной политики. В докторской диссертации он, в частности, отмечал: «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский, основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще, культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность» [10, с. 12]. Борьба двух миров, продолжал он далее, «есть главная ось, около которой обращается историческое колесо многовековой, богатой и разнообразной жизни христиано-арийских племен Европы и Азии» [10, с. 32].

Принципиальным вопросом цивилизационной концепции Ламанского является определение границ цивилизационных миров. Первые из них — границы гео-

графические, которые преимущественно и задают единство формирующейся в их пределах культурной и этнической общности, а затем и государства. По словам Ламанского, «единство русской империи обусловлено совершенным почти отсутствием в ней крупных внутренних расчленений. <...> Этим отсутствием богатых расчленений Россия резко отличается как от европейского запада, так и азиатского юга. Русская Азия в этом отношении составляет почти такую же противоположность собственной не-русской Азии, какую европейская Россия — собственной, не-русской Европе. От настоящей Европы и от настоящей Азии отличается Россия и крайне бедным развитием береговой линии» [9, с. 15]. В то же время необходимо помнить, что цивилизационные границы не всегда совпадают с границами государственнымными, а государственные — с границами этнографическими. Ламанский в своих работах, как правило, пишет о России не как об исторически сложившемся государстве, а как о цивилизационном проекте — преобладающей части греко-славянского мира. В этом отношении российское государство, историческая Россия, не соответствует в полной мере греко-славянской цивилизации. «Шестая часть света, Россия, — замечал Ламанский, — получает почти полный вид особого самостоятельного материка только с приложением к ней остальной восточной, Закарпатской и Задунайской, греко-славянской Европы. <...> В соответствии географическому характеру края, и в его населенных, с приближением к югу и юго-западу возрастает и усиливается дух партикуляризма, крайней местной автономии и независимости, во многом благоприятный для развития личной бойкости и энергии, для образования небольших вольных торговых и морских республиканских общин с широким самоуправлением» [10, с. 39]. В более поздней работе Ламанский уточнял, что славянские и православные народы, не входящие в состав Российской империи, «составляют сами по себе слишком незначительную, по величине площади, по количеству населения и политическому и культурному положению, часть Азийско-Европейского материка, для того чтобы образовать особый самостоятельный отдел или мир. Рассматриваемые с точки зрения этнологической и историко-культурной, эти земли естественно должны быть отнесены не к миру собственно азиатскому и не к миру собственно европейскому, а к миру, названному нами Средним. В этом смысле эти земли нельзя отрывать от России, как нельзя азиатскую Россию отделять от европейской» [9, с. 19]. Только в единстве со славянскими и православными народами Восточной Европы русское государство получает завершенную целостность цивилизационного мира.

С конца 1850-х годов Ламанский использовал в своих работах выражение «греко-славянский мир», вероятно, заимствовав его у немецкого историка Г. Г. Гервинуса (G. G. Gervinus). Позднее он чаще стал употреблять выражение «Средний мир» для обозначения той же цивилизационной целостности. В первом случае специфика греко-славянского мира определялась через его противопоставление (религиозное и этнографическое) миру романо-германскому. Главный всемирно-исторический антагонизм он видел в столкновениях между западом и востоком арийско-христианского мира, в то время как противоречия между севером и югом Европы оценивал в качестве внутренних конфликтов романо-германского мира. «Как бы ни преувеличивали важности и значения северо-южного и юго-северного направления народных движений и столкновений в истории романо-германской, — писал он в докторской диссертации, — все-таки внешняя борьба, и внутренний антаго-

низм и соперничество, в них раскрывающееся, ни по содержанию, ни в способах выражения, ни тем более в своих последствиях, далеко не имеют того громадного исторического смысла и значения, которые скрываются в истории взаимных отношений востока и запада христианско-арийского человечества, в другом более обширном горизонтальном потоке исторических явлений, в том, западно-восточном и восточно-западном направлении народных движений и столкновений, в котором выражается и совершается в продолжении слишком тысячи лет борьба, антагонизм и соперничество двух миров: греко-славянского и романо-германского. Там борьба и антагонизм происходят от неравномерного и не единовременного распространения известных господствующих стихий и идей, в сущности, общих и однородных (романцы и германцы, папы и императоры, города и рыцари, францискане и доминиканцы, и разные духовные ордена, католики и протестанты, конституционалисты и республиканцы). Здесь они коренятся на взаимной племенной вражде и при глубоких внутренних антипатиях греков и латинян, славян и немцев, исходят из самого существенного и коренного разногласия идеалов религиозных, общественных и политических» [10, с. 14]. Чаше всего в своих работах Ламанский обращался к анализу конфликтов германцев и славян.

Выражение «Средний мир» отсылало уже не только к противостоянию с Европой, но и указывало на отличия от мира азиатского. «Этот “Средний мир” Евразии, — уточняет В. С. Киселев, — описывается Ламанским в терминах исключения, приемом “от противного”, когда одно различие оказывается снятым другим — религия преодолевается культурой, культура историей, история языком» [11, с. 112]. Впрочем, усложняя философско-исторический схематизм своей концепции, Ламанский все равно крайне скупно характеризовал и описывал Азию, не видя у современных ему азиатских народов историко-социальных перспектив. Противопоставление Среднего и азиатского миров вытекало для него в первую очередь из ясности существующих географических и государственных границ. «Мы не раз называли славянский мир средним, — отмечал Ламанский в одном из лекционных курсов. — Действительно, несмотря на некоторые его стихии, роднящие его с Зап<адной> Европой, с одной стороны, и с Востоком, с другой, — его нельзя отождествить ни с Европой, ни с Азией. Он средний между ними. Если мы с юго-востока Азии направимся на северо-запад, то Азия кончится там, где начнутся пределы русского государства. Европа же на сев<еро>-вост<оке> кончается там, где славяне образуют бóльшую половину населения. Те земли, где славян около 60 % всего населения, могут считаться пограничными землями между Зап<адной> Европой и нашим средним миром. Точную же границу не везде можно провести» [12, с. 27–28]. Определенность границ между Азией и Средним миром делала вопрос об их взаимных отношениях для Ламанского менее интересным. Другое дело — отношения Среднего мира с собственно Европой, сложность и противоречивость которых сказывается и на неопределенности границы между ними.

Географические различия усиливаются психологическими, ментальными отличиями народов, принадлежащих разным цивилизационным мирам. Если политические и географические границы могут оспариваться, сдвигаться, колебаться вокруг устойчивого центра, то ментально-психологические границы строго отличаются своего от чужого. Человек четко ощущает и сознает свою принадлежность к той или иной цивилизации и редко в этом отношении ошибается. «Все соседние

нам народы собственной Азии, — писал Ламанский, — японцы, корейцы, китайцы, монголы, персы, различных видов и наименований турки, как часто ни различны они между собою по наречиям, верам и культурам, относятся вообще одинаково к урису, оросу, олосу, москову, равно видят в нем чуждого себе, если не всегда враждебного, то всегда сильного и грозного, во многих отношениях совершенно от них отличного, непохожего, не сродного и не единовверного им соседа» [9, с. 4]. К ментальным границам также можно отнести христианское вероисповедание и культуру, отделяющие Средний мир от Азии, этнические различия и «связующее их воззрение на западного их соседа немца и глубокое к нему, веками оправданное, недоверие и нерасположение», отделяющие его от Европы [9, с. 24]. У азиатских народов проявляется отрицательное или индифферентное отношение к христианству, поэтому всех немногочисленных христиан Азии (семитов, сирийцев, арийцев, армян) Ламанский предлагал отнести к Среднему миру. Исторически они были близки или входили в культурную орбиту крупнейших держав этого региона — Византии или Московского государства и Российской империи. Еще в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» он приводил факты переселения византийскими императорами в Малую Азию славян с Балканского полуострова и предлагал включить в греко-славянскую общность территорию западной Сирии.

Внешние границы греко-славянского мира по большей части (на востоке и юге, т. е. в Азии и на северо-западе Европы) совпадают с пределами Российской империи [13, с. 37]. Ламанский отмечал, что «горные хребты северного Китая, Тибета и Гиндукуша в средней Азии с большим правом, чем хребет Уральский, могут служить гранью особого материка» [10, с. 42]. «Средний мир, — писал он в другом произведении, — имеет вполне естественные границы в водах Северного или Ледовитого моря, Берингова пролива, Берингова, Охотского и Японского морей на севере, востоке и Средиземного моря на юге. Всего труднее определима юго-западная граница Среднего мира с собственной Азией. <...> Относительно же прочих сухопутных границ Среднего мира с собственной Азией, следует заметить, что их правильнее всего отождествлять с политическими границами России» [9, с. 42]. Границы русского государства приближаются к границам греко-славянской цивилизации, но полностью с ними не совпадают. Россия как империя полнее всего соответствует параметрам цивилизации Среднего мира, поскольку империя — это не только политическое образование, но и религиозный и историко-культурный проект. У нее есть идеальная задача. В русской истории были попытки реализации двух моделей империи: единого христианского царства и проект европеизации, импульс которой был задан петровскими реформами. Раскрытие смысла христианской идеи империи Ламанский посвятил неоконченную работу «Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веках» (1875). «Его опора и основа, — пояснял Ламанский, — была чисто идеальная, внутреннее убеждение народов восточно-христианских, без различия племен, в необходимости и вечности на земле до кончины мира, до явления Антихриста, единого христианского царства, обнимающего в себе самые различные страны и племена с их частными, местными правительствами и государями, жупанами, князьями, воеводами, королями и царями. Как несходство языков в богослужении, обрядов и обычаев поместных церквей нисколько не противоречило, а вполне уживалось с единством вселенской церкви, также точно разнообразие и смесь племен, стран и правлений

нимало не мешало им всем составлять одно христианское царство, единую империю» [14, с. 465]. Однако в политической практике был реализован проект империи как европеизирующегося государства, экстенсивная динамика которого привела к сближению с цивилизационными границами Среднего мира, а политика централизации власти и унификации земель, краев, провинций и проживающих в них народов — к неизбежной русификации. Однако смысл европеизирующейся империи противоречит цивилизационным началам Среднего мира. Для Ламанского греко-славянский и романо-германский миры находятся в состоянии борьбы. Это цивилизационные антагонисты, в то время как европеизация означает одностороннее стирание различий, выстраивание зависимой логики развития, замену самобытности заимствованиями. Цивилизационные противоречия, конечно, никуда не делись, что подтверждают повторяющиеся конфликты, однако на уровне идеологии они замалчиваются и лишь плодят нерешенные вопросы, одним из которых является так называемый Восточный вопрос.

В течение целого столетия Восточный вопрос занимал умы отечественных политиков, публицистов, мыслителей и писателей и породил обширную исследовательскую литературу (см., напр., некоторые современные исследования: [15–26]). Его актуальность в XIX в. усиливалась так называемой борьбой за проливы и соперничеством России и Турции при поддержке последней со стороны многих европейских держав, чаще всего как раз и провоцировавших русско-турецкие конфликты. Ламанский даже усматривал типологическое сходство «русского вопроса» с «турецким вопросом» в Европе в новых исторических обстоятельствах. «Русский вопрос для Европы, — писал он в диссертации, — есть то же, что был турецкий в XV–XVII в. Прежний *Türkenoth* сменился теперь *Russenoth*'ом. Заметим, что, исключив брань и ругательства, со всем этим трудно не согласиться» [10, с. 290]. Нередко Восточный вопрос преимущественно сводится к истории русско-турецких отношений, начиная с участия России в антитурецкой коалиции в конце XVII в. Однако истоки Восточного вопроса, полагал Ламанский, необходимо искать в более раннюю эпоху. Для него это вопрос историософский, связанный с «римской идеей», т. е. наследием империи, на которое претендовали как православный Восток (Византия и ее преемник — Московское государство), так и романо-германский Запад. «Он явился раньше взятия Константинополя турками, — писал Ламанский о Восточном вопросе. — Свое название Восточного он получил на романо-германском западе и зародился там со времени образования империи Карла Великого и возникновения учения о правах Римского епископа, как видимой главы церкви. С тех пор наступает резкое разделение христианского мира на запад и восток; тогда же начинается наступление романо-германского запада на восток греческий, православный, по-ихнему схизматический, и на восток славянский, по-ихнему варварский. Тогда же возникает борьба оборонительная для греков и славян и наступательная для романцев и германцев, для папства и империи Римско-немецкой. Борьба эта и есть развитие Восточного вопроса. Немцы всего больше в ней выиграли и одержали побед» [27, с. 434]. Ламанский подчеркивал, что Восточный вопрос является следствием противоборства (политического и религиозного) двух претендентов на реализацию единой и единственной христианской империи, противостоянием двух Европ: Европы Карла Великого и Европы Кирилла и Мефодия. С образованием Каролингской империи и расколом христианства на право-

славие и католицизм произошло и разделение Европы на Западную и Восточную. Исторические факты и политические события, имеющие отношение к Восточному вопросу, могут быть правильно поняты только с философско-исторической и всемирно-исторической точек зрения. В нем отражаются основные противоречия тысячелетней европейской истории. «Как в настоящее время так называемый вопрос восточный преобладает и господствует над всеми другими чисто западными вопросами, точно также и в продолжение всей средней и новой истории христианско-арийского человечества взаимные отношения греко-славянской и романо-германской их половин, запечатлены гораздо более всемирно-историческим характером, чем все народные движения и столкновения, совершавшиеся как в пределах романо-германского, так и в пределах греко-славянского мира, и в горизонтальном, и в вертикальном направлении», — констатировал Ламанский в докторской диссертации [10, с. 15].

В 1887 г., редактируя «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», Ламанский опубликовал в них статьи «Восточный, славянский вопрос» и «Западный, славянский вопрос», которые вызвали полемику среди петербургских славянофилов и нападки со стороны западнославянской интеллигенции (см.: [28]). Отвечая на критику в свой адрес, он, в частности, писал, «что Восточный вопрос так у нас, русских, называется собственно из вежливости к Европе: для нее это вопрос восточный, для нас же это вопрос западный. Это собственно вопрос о межах, о границах обоюдных владений романо-германского и греко-славянского мира, Европы Карла Великого и Григория VII и Европы Кирилла и Мефодия. Для нас идет дело об установлении правильной западной границы, для романо-германцев — о сохранении и распространении их границ восточных» [29, с. 227]. Поясняя свое понимание восточного вопроса, он уточнял: «Отношения России к Европе и есть тот страшный мировой вопрос, который мы неверно, а Европа правильно с своей точки зрения, назвала вопросом восточным. <...> есть вопрос о свободе и самобытности не только политической, но и культурной целого отдела арийско-христианского человечества, всего греко-славянского мира, который устал служить и работать на других и стремится к независимой, самостоятельной роли во всемирной истории»¹. Для Среднего мира Восточный вопрос имеет жизненно важное значение, поскольку его решение в интересах Западной Европы угрожает цивилизационной целостности греко-славянского мира. «Вся сущность Восточного вопроса для России и славянства, — писал Ламанский в одной из самых известных своих статей “Непорешенный вопрос”, — заключается в сохранении и спасении от поглощения или подчинения романо-германцами южных и западных окраин славянских» [30, с. 162]. Подход Ламанского, как видно, заметно контрастировал с господствующей точкой зрения, сводивший восточный вопрос к освобождению славян от турецкой власти, занятия Константинополя и контроля над проливами. Большую цивилизационную угрозу для народов восточной Европы, полагал он, представляют не турки, а народы западноевропейские. В политическом отношении восточный вопрос распадается на серию частных вопросов, решение которых, однако, может быть только принципиальным, а не приватным. И хотя он, кажется, напрямую не касается русского народа, поскольку территориально вос-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН), ф. 35. оп. 2. ед. хр. 121, л. 7.

точный вопрос по большей части не затрагивает земли, входящие в Российскую империю, но коренным образом важен для России, так как имеет отношение к ее культурной самобытности, цивилизационной идентичности, а в перспективе — и к политической и экономической независимости. «Восточный вопрос отнюдь не есть только вопрос политический, — уточнял Ламанский. — Это не только вопрос экономически-финансовый или судебно-административный. Это не только вопрос социальный, аграрный или церковный. Это и не один герцеговинский или боснийский, и не только сербо-турецкий, или сербо-мадьярский, или сербо-немецкий вопросы. Это есть вместе и вопрос болгарский, болгаро-турецкий и болгаро-греческий. С ним также связаны вопросы и греческо-турецкий, и албанский, и далматинско-хорватский, и все разнообразные и запутанные вопросы национальностей в Австро-Угрии, по отношению к мадьярам и немцам. <...> Все эти разнообразнейшие вопросы, внутренне и внешне тесно между собою связанные, и составляют вместе взятые один громадный, запутаннейший и трудно разрешимый восточный вопрос. Он близко касается и затрагивает интересы всех европейских национальностей и государств. Но всего ближе он касается интересов русского народа и его образованности, ибо это вопрос жизни или смерти миллионов наших единоверцев и соплеменников» [31, с. 32–33]. Не случайно в диссертации Ламанский заключал, что «современный восточный вопрос превышает своим значением все другие, чисто западные политические вопросы» [10, с. 30].

Географическая локализация восточного вопроса представлялась ему следующим образом: «Западная граница Среднего мира, отделяющая его от собственной Европы, есть сухопутная русская — норвежско-шведская граница, Ботнический и Финский заливы, далее ломанная пограничная линия, проходящая по прусским и австрийским землям, между Балтийским и адриатическим морями. Она углубляется то далеко на запад в Германию, то приближается на восток к русским пределам и упирается на севере около Данцига в море Балтийское, а на юге около Триеста в Адриатическое и Ионийское море. Южная граница Среднего мира, подобно границе России, есть также море, только не Черное, а Средиземное, и также собственная Азия (т. е. Азиатская Турция). При этом следует заметить, что в отношении этнологическом и историко-культурном некоторые части Малой Азии и Сирии скорее должны быть отнесены к миру Среднему, чем к миру собственно азиатскому» [9, с. 24]. Условия для положительного решения восточного вопроса, т. е. закрепление западной границы Среднего мира, Ламанский видел в росте самосознания народов греко-славянского мира, в военных успехах России, обретении независимости Грецией, образовании Сербского княжества и некоторых других исторических фактах. В то же время он признавал, что цивилизационная идентичность греко-славянского мира еще недостаточно уяснена самими народами, чтобы «удовлетворительно разрешить так называемый восточный вопрос, т. е. вопрос о своих западных окраинах» [10, с. 29]. Более того, претензии греко-славянского мира на территории Пруссии и Австро-Венгрии неизбежно вызовут вооруженное противодействие западноевропейских государств. «Восточный вопрос или, лучше, вопрос о несвободной части греко-славянского мира мирным образом никогда разрешен быть не может», — не без сожаления признавал Ламанский в статье о М. В. Ломоносове [32, с. 31].

Сама конфигурация и принципы определения границы вызвали многочисленные возражения современников. Националистически настроенные члены Санкт-

Петербургского славянского благотворительного общества обвиняли Ламанского в предательстве славянских интересов. Чешских патриотов возмущало сохранение Богемии и Моравии в политическом пространстве германских государств. Проведенная Ламанским граница оставляла за пределами Среднего мира и значительную часть исторической Польши. В этом не было ошибки. К середине 1880-х гг. Ламанский во многом уже избавился от панславистских иллюзий. Знакомство с чешской и польской интеллигенцией убедило его в том, что чехи и поляки уже по большей части потеряны для Среднего мира. Если польский вопрос (а для Ламанского — это часть восточного вопроса) на протяжении нескольких десятилетий возбуждал острые, порой болезненные, споры в русском обществе (см.: [33]), в стороне от которых не остался и он сам (см.: [34]), то поднятый им «чешский вопрос» был для многих, в том числе и славянофилов, неожиданностью. Ламанский же полагал, что онемечивание чехов зашло слишком далеко; по крайней мере чешская интеллигенция утратила славянскую идентичность, а политические фантазии и религиозный фанатизм сделали поляков проводниками чуждых греко-славянскому миру идей и культурных практик. Их включение в греко-славянскую общность только ее ослабит. В политическом и военном отношении предложенная Ламанским граница также вызывала возражения. Например, известный военный историк и участник войн на Балканах генерал П. А. Гейсман писал: «При этом считаем необходимым оговориться, что устанавливаемая В. И. Ламанским граница между средним и романо-германским мирами, по линии от Данцига до Триеста, не представляется, на наш взгляд, ни вполне естественною, ни даже желательною границею между мирами греко-славянским и германским, так как с одной стороны должно стараться предохранять от захвата и поглощения германцами земли чешские и южнославянские, лежащие к западу от этой границы, а с другой стороны лежащие к востоку от этой же границы польские земли левого берега Вислы (кроме переправ) и левого берега Сана (западная или польская часть Галиции) не отличаются такою степенью привлекательности, чтобы из-за них стоило вести борьбу до последней крайности. Если и суждено греко-славянскому миру отдать германцам какую-либо из своих частей, то тем не менее ни в каком случае не должно жертвовать *чехами* или какими бы то ни было *юго-западными славянами*, обитающими к западу от границы В. И. Ламанского. В стратегическом отношении для нас важно обладать русскою Восточною частью Галиции, Восточною Пруссиею и частью Западной Пруссии до Вислы (с Данцигом) включительно; в приобретении же польской, западной части Галиции (с Краковом) и даже в сохранении губерний левого берега Вислы (за исключение переправ), не ощущается слишком уже настоятельной необходимости» [36, с. 13]. Встав на военно-политическую точку зрения, Ламанский, вероятно, мог бы согласиться с указанными замечаниями, но для этого ему надо было отказаться от историософской и культурно-исторической оценки восточного вопроса, т. е. принести философию истории, а вместе с ней и все обобщения тысячелетней истории в жертву политической прагматике.

Ламанский прекрасно сознавал конфликтогенность Восточного вопроса и высокую степень вероятности вызванного им военного столкновения. Поскольку такое военное противостояние уже будет не только противоборством отдельных держав, а, учитывая всемирно-исторический характер восточного вопроса, — соперничеством двух цивилизационных миров, то и масштабы, и последствия такой

войны будут несопоставимы с известными военными конфликтами. Это будет мировая война, возможность которой Ламанский предсказывал за несколько десятилетий до самой войны и свидетелем которой он стал в конце жизни. Все силы русского государства и народов греко-славянского мира, полагал он, должны быть положены на то, чтобы оттянуть ее наступление и мирными средствами укрепить единство Среднего мира. Неизбежность войны не отменяла необходимость мирного и созидательного развития Среднего мира. Внешние успехи, при благоприятном течении военных действий, являются лишь отражением и продолжением успехов внутренних. Славянофилы, как известно, считали народность, а не интеллигенцию или правящий слой источником политического, экономического, религиозного и культурного развития. Они критиковали сформировавшуюся в результате европеизации обезнароденную интеллигенцию, не видя в ней творческой силы. Не случайно Ламанский в статье «Восточный, славянский вопрос» отмечал, что «благоприятное для России течение и развитие восточного славянского вопроса зависит от благосостояния и успехов не одной дипломатии, не одних военных сил, не одних финансов, но всех сторон и частей русского государственного строя и хозяйства. Всякой же великой важности государственный или общественный вопрос есть и общественный, и народный. Без помощи и поддержки народа, без участия и содействия общества, ни одно государство не может стоять, не только что развиваться» [27, с. 437]. Признавая, что одно русское государство не в силах разрешить восточный вопрос, он продолжал: «Благоприятное для России развитие и решение восточного и славянского вопроса, в том и состоит, что все ее высшие и здоровые, общественные и народные, силы, стремления, потребности и задачи найдут себе естественный выход и законное удовлетворение, примут свободное и разумное направление, проложат новые пути народному труду, создадут новые умственные и вещественные богатства, новые разнообразные формы общежития, разольют просвещение и выработают новую образованность в России, в целом западном славянстве и на всем христианском Востоке» [27, с. 438].

С политической и военной точек зрения Восточный вопрос — это вопрос о цивилизационных разломах в Восточной и Южной Европе, а также в Малой Азии. Это вопрос о безопасности и военной целесообразности (обороне) таких цивилизационных границ. Ламанский же смотрит на Восточный вопрос шире или, лучше сказать, глубже. Для него Восточный вопрос проясняет многие факты истории, детерминирует дипломатические и военные действия современности и определяет конфигурацию будущего. К тому или иному разрешению этого вопроса метонимически сводится и вопрос об историческом существовании русского и близких ему народов, оправдывается их культурно-историческое предназначение. В рукописи, посвященной Восточному вопросу, он писал: «Да, так называемый Восточный или правильно Восточно-Западный вопрос есть вопрос об отношениях России к Европе, восточно-христианского человечества к западному, греко-славянского мира к романо-германскому. И это есть вопрос об их взаимных отношениях не только в настоящем, но и в прошлом, и в будущем. Стремления к внимательному и многостороннему рассмотрению этого громадного вопроса разбиваются на множество важных частных вопросов, мало сказать, есть задача целых поколений, это вся будущая история человечества, собственно его мысли и сознания. Постановка этого вопроса перед личною нашею мыслью вызывает критику, сличение, раскрытие

внутренних и внешних особенностей этих половин арийско-христианского человечества. Что мы собою на земле и в истории представляем, в чем заключаются начала и задатки нашего самобытного будущего и самостоятельного просвещения. Ведь если мы таких задатков не имеем, то стоит ли нам хлопотать и биться из-за того, чтобы, например, быть и оставаться православными, русскими, славянами? Если православие, историческое наше просветительное начало, <отличается> от двух форм западного христианства, католицизма и протестантизма, во всех его разнообразных сектах, а наша славянская раса от романской и германской отличаются только тем, что мы грубее, неразвитее, беднее и ниже их творчеством и всякими дарами духа, то какое мы, спрашивается, имеем право перед истиною, перед нашей совестью, перед потомством и историею защищаться от нападений и захватов запада, отражать его удары, не соглашаться с ним, не уступать ему во всем и в чем-либо противоречить? Тут разумеется не одна дипломатическая и военная, но и мирная ежедневная борьба в области хозяйства, промышленности, торговли, науки, искусства. Вопрос об отношениях России к Европе, вопрос о том, что во всех этих сферах можем мы противопоставить Европе своего особенного, самобытного, замечательного, этот вопрос имеет то свойство, что он неотвязчиво предносится сознанию каждого мыслящего образованного русского человека, над каким бы трудом он не работал и какую бы ступень общественной иерархии он не занимал. Этот вопрос есть душевнейший, внутренний вопрос каждого из нас. Возбуждение этого вопроса в нашем личном сознании есть уже запрос на самостоятельность мысли, на искренность и внутреннюю правду чувства, на твердость воли и сознательную определенность действий. Можно сказать, что нравственная высота характера и умственная сила русских людей измеряется степенью строгости и напряженности их внимания к этому внутреннему нашему восточному вопросу и более или менее счастливым и удачным его разрешением в нашей практической деятельности, как членов семьи, общества и государства»².

Именно поэтому Ламанский призывал вернуться к внутренним делам России, поскольку положительное для Среднего мира решение восточного вопроса означает не присоединение новых территорий или продвижение государственных границ российской империи дальше на запад, а обретение греко-славянским миром своего цивилизационного самосознания, понимания своего предназначения в мире и реализация этого предназначения в государственном и религиозном творчестве, экономическом строительстве, науке, искусстве и т. п. «Внутреннее состояние России, — пояснял Ламанский, — внутренние ее дела — ведь это же и есть самая важная, самая существенная часть восточного, славянского вопроса. <...> Мировой характер Восточного вопроса и есть самое внутреннее дело, самый так сказать наи-внутреннейший вопрос России, каждого русского человека, каждой души православно-славянской, каждого славянина во всем Божьем мире. Нужны ли земному шару, и проявляющему на нем свою деятельность человеческому духу и общежитию, нужны ли будущим векам — восточное христианство, православие, как вера и просветительное начало, и славянское племя, как особый вид человечества?» [27, с. 438]. Военные успехи хороши только при крепости внутреннего устройства Среднего мира, при осознании стоящей перед ним идеальной задачи, формой земного воплощения

² Там же, л. 18 об. — 19.

которой является христианская империя. В одном из писем И. С. Аксакову Ламанский признавался: «Да, одним мечем Восточного вопроса благоприятно нам не разрешить, ведь это, впрочем, ясно. Нужен целый ряд подготовительных культурных усилий и работ. Нужно иное духовенство, иное купечество. Нужна другая школа, другая литература. Много надо сеять еще, но не мало уже и поспело. Надо помогать всходам. Нужна свобода, нужны возбуждение духа, энергия во всех общественных слоях»³. Идеал европеизирующейся империи для решения такой исторической задачи не подходит. Его реальное воплощение в России противоречит не только славянофильским представлениям, но и нуждам греко-славянской цивилизации: европеизация в России сопровождалась распространением и окончательным закреплением крепостного рабства; свобода совести на практике оборачивалась церковным расколом и преследованием инакомыслящих; нравственная сила общественного мнения ограничивалась и подавлялась цензурой; общественное самоуправление и самодеятельность народа приносились в жертву полицейскому государству и т. д.

Не следует, однако, думать, что точка зрения Ламанского на Восточный вопрос ограничивалась общими рассуждениями, историософская оптика которых пренебрегала любой конкретикой. Он указывал на самостоятельные отделы Восточного вопроса, разрешение которых предполагает определенные изменения в государственной, религиозной и политической жизни общества. Первый из них — «кирилло-мефодиевская идея», в узком смысле означающая восстановление у западных славян национальных церквей. Кирилло-Мефодиевская идея говорит «о соглашении живого начала единства вселенской церкви с автономиею поместных, национальных церквей <...> ибо это воссоединение имеет свершаться не через папство, а помимо его, и вопреки ему, через возрождение на латинском западе старых национальных церквей» [27, с. 439]. Фактически это означает соединение церквей на основе возвращения славян-католиков к практике православной церкви. Первым шагом здесь должно стать восстановление богослужения на национальных языках, т. е. фактическое возвращение к историческому опыту славянских церквей в эпоху деятельности свв. Кирилла и Мефодия. С одной стороны, таким образом будет преодолена религиозная рознь, много веков разделяющая славянские народы. С другой стороны, языки славян-католиков вновь станут языками, на которых человек обращается к Богу, сделает более понятным и доступным христианское учение для простых верующих, не владеющих латинским языком. В то же время надо иметь в виду, что повышение статуса славянских языков — это только первый шаг к установлению языкового единства славян, т. е. важнейшего, наряду с религиозным единством, принципа укрепления цивилизационной целостности Среднего мира. Следующий шаг состоит в принятии славянами общего научного, дипломатического и литературного языка, которым в современных условиях, убежден Ламанский, может быть только русский язык. Национальные языки сохранятся не только в богослужении, но и в быту, в то время как языком высшей образованности (науки и литературы) должен стать русский. Только таким образом может быть достигнуто духовное и ментальное единство греко-славянского мира, без которого невозможно и его цивилизационное самосознание.

³ Там же, оп. 1. ед. хр. 1, л. 201об.

Вторым важнейшим отделом Восточного вопроса является вопрос славянский. «Славянский вопрос, — пояснял Ламанский, — есть такой же мировой вопрос, как Цареградский. Для немцев вопросы чешский, словенский или вопросы о народностях Транслейтании и пр. — только часть вопроса восточного. Для нас же, собственно, это вопрос не восточный, а западный. Под западным славянством, прибавлю в заключение, я всегда разумею не латинское только славянство, а всех юго- и северо-западных славян, за исключением русского народа, который в своих разновидностях великорусской, белорусской, малорусской, составляет, по-моему, особую группу — славянство восточное» [36, с. 538–539]. Положительное решение славянского вопроса означает преодоление центробежных сил в славянстве и доминирование сил центростремительных. Стремление к обособлению и сохранению своей национальной и региональной самобытности вполне понятно у славянских и других народов Среднего мира. Более того, этническое и культурное разнообразие является условием творческого развития любой цивилизации. Унификация приводит к обеднению культуры, к снижению возможностей эффективно отвечать на те внешние и внутренние вызовы, которые возникают перед ней. В то же время центробежные тенденции не должны одолеть центростремительные, не должны разрушать единство, без которого любая цивилизация обессилеет и распадется. «Без попыток же решения в нашем сознании вопросов о том, где кончаются законные интересы партикуляризма и автономии той или другой славянской народности и где начинаются задачи общеславянские, невозможно нам ожидать сколько-нибудь успешных попыток и в деле практического решения отдельных частей вопроса славянского», — уточнял Ламанский [27, с. 439–440]. В этом смысле он довольно скептически смотрел на возможность обретения славянами политической независимости. Точнее говоря, он полагал вполне реальными перспективы образования самостоятельных славянских государств, но не считал такую цель конечной и желательной, поскольку малочисленные и слабые славянские государства быстро подпадут под влияние более сильных (в политическом и культурном отношении) соседей и в конце концов будут вынуждены им подчиниться: перейти на немецкий, итальянский и др. языки в образовании, науке и литературе, экономически и культурно им покориться, следовать их политической линии и т. п. Богатая и развитая культура, полагал Ламанский, является последствием развития крупного и сильного политического организма, т. е. в перспективе — государственного единства. Он, однако, не призывал включить славянские и прочие земли в состав Российской империи, оставляя без четкого ответа вопрос о политической конфигурации Среднего мира. Ламанский лишь указывал, что идея единой христианской империи не противоречит разнообразию форм политической жизни, объединенных высшим цивилизационным (религиозным, языковым и проч.) единством.

Рассуждения Ламанского о Восточном вопросе являются частью его политико-географического и цивилизационного учения. В них заметны следы славянофильской идеологии, но он привносит в интерпретацию восточного вопроса и много нового, формулирует оригинальный взгляд на историческую судьбу греко-славянского мира. Необходимость пересмотра восточного вопроса стала особенно актуальной после Крымской войны. С конца XVII в. Россия в значительной степени оказывалась втянута в противостояние с Турцией благодаря эгоистической политике европейских держав, удовлетворявших таким образом свои интересы и уве-

равших, что решить восточный вопрос можно только совместными, солидарными усилиями. Однако Крымская война, а впоследствии и Берлинский конгресс показали эфемерность и пагубность этих ожиданий. Солидарность Европы оказалась не антитурецкой, а антирусской. Цивилизационная интерпретация восточного вопроса была необходима Ламанскому, чтобы показать, что интересы России и Европы в восточном вопросе не совпадают, напротив, они крайне противоположны. Более того, эти противоречия, а не соперничество России и Турции, составляют главный нерв восточного вопроса. Ламанский доказывал, что, во-первых, Восточный вопрос — это вопрос не о судьбе Турции, а о разграничении двух цивилизаций: романо-германской и греко-славянской. В своем анализе Восточного вопроса он практически не упоминал Турцию, историческая роль которой, как он показывал в своих исторических исследованиях, состояла как раз в сохранении греко-славянского мира от притязаний западноевропейских народов. Лишь с ослаблением Турции эта роль перешла к укрепляющейся России. Центр тяжести восточного вопроса он переносит на отношения России и Западной Европы как представителей двух цивилизационных миров. Во-вторых, Восточный вопрос — это вопрос внутреннего развития России и такого ее усиления, когда граница двух цивилизаций, учитывающая этнографические и религиозные интересы России, уже не будет оспариваться. Только при успешном внутреннем развитии России, а не военном столкновении, возможно благоприятное для нее решение восточного вопроса. Здесь взгляды Ламанского совпадали с мнением людей, которых было трудно заподозрить в славянофильских симпатиях (В. А. Жуковский, А. М. Горчаков, Б. Н. Чичерин и др.).

Конечно, в значительной степени, взгляды Ламанского были результатом его научных исследований. В них много книжного. Прежде всего это касается славянофильских элементов его учения. Однако хорошее знакомство ученого с реальным положением славянских народов и личные связи с представителями славянской интеллигенции значительно скорректировали его взгляды, что и привело к отказу от идей панславизма и вызвало критику со стороны консервативной части славянофилов. Сам Ламанский считал себя не только историком и кабинетным славистом, но и политическим мыслителем. Он надеялся на практическое воплощение своих мыслей, хотел, чтобы они легли в основу политических решений. Его ожиданиям не суждено было осуществиться. Его концепция, в том числе и толкование Восточного вопроса, осталась частью русской политической и философско-исторической мысли, но не практики. С тех пор, когда Ламанский писал свои сочинения, ситуация в Европе заметно изменилась. При этом Восточный вопрос в том широком его понимании, которое он предлагал, сохранил свою актуальность. Однако сбылись лишь пессимистические ожидания Ламанского: «...ныне одна лишь Россия полноценно выражает традиционное греко-славянское единство и противостояние обоих миров» [37, с. 200].

Литература

1. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. (1915), Владимир Иванович Лиманский как антропогеограф и политикогеограф, *Живая старина*, вып. I–II, с. 9–20.
2. Тяпин, И. Н. (2019), Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера в контексте влияния Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, *Философский полилог: Журнал Между-*

- народного центра изучения русской философии, № 2, с. 37–45. <https://doi.org/10.31119/phlog.2019.6.3>
3. Куприянов, В. А. (2018), Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве, *Соловьевские исследования*, № 2, с. 21–33.
4. Задорожнюк, Э. Г. (2016), Предвосхищение евразийства, *Диалог со временем*, № 57, с. 24–40.
5. Исаева, О. С. и Кошарный, В. П. (2015), Об источниках геосоциологии классического евразийства, *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, № 2 (34), с. 112–120.
6. Медоваров, М. В. (2020), Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов, *Тетради по консерватизму*, № 3, с. 85–98.
7. Павлов, П. А. (2017), «Россия-Евразия» П. Н. Савицкого и наследие В. И. Ламанского: географические и социокультурные «миры», *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*, № 4, с. 137–143.
8. Ширинянц, А. А. (2017), В. И. Ламанский — евразиец до евразийства, *Евразийская идея и интеграционные процессы на постсоветском пространстве*, Кокшетау: Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, с. 7–17.
9. Ламанский, В. И. (1892), *Три мира Азийско-Европейского материка*, СПб.: Типо-хромолитография А. Траншеля.
10. Ламанский, В. И. (1871), *Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе*, СПб.: Тип. Майкова.
11. Киселев, В. С. (2015), Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в., *Русин*, № 3 (41), с. 108–127. <https://doi.org/10.17223/18572685/41/8>
12. Ламанский, В. И. (б. г.), *Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В. И. Ламанским за 1880–81 академ. год*, [СПб.:] Литография Грбовой.
13. Ламанский, В. И. (1891), *Введение в славяноведение. Литография*, [СПб.: б. и.].
14. Ламанский, В. И. (1875), Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки, *Славянский сборник*, СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, с. 413–584.
15. Алексеев, П. В. (2016), Восток в творческом сознании Ф. М. Достоевского периода Крымской войны, *Имагология и компаративистика*, № 1 (5), с. 30–43. <https://doi.org/10.17223/24099554/5/2>
16. Багаева, А. Ф. (2020), Восточный вопрос на страницах «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 5, с. 184–194.
17. Болдырев, А. В. (2019), «Византия — роковой город»: восточный вопрос и попытки его «рационализации» в российском общественно-политическом дискурсе (вторая треть XIX в.), *Вестник Института востоковедения РАН*, № 1 (7), с. 152–158.
18. Виноградов, В. Н. (2012), Османская империя и Россия. XV — конец XIX века, *Новая и новейшая история*, № 1, с. 98–121.
19. Жуков, К. А. (2006), *Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева*, СПб.: Алетейя.
20. Киняпина, Н. С. (1994), *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898)*, М.: Изд-во МГУ.
21. Косик, В. И. (2021), Достоевский: восточный вопрос, *Славяноведение*, № 1. с. 85–93.
22. Котельников, В. А. (2004), Восточный вопрос в русской политике и литературе, *Русская литература*, № 2, с. 3–29.
23. Котельников, В. А. (2019), Святая земля, христианский восток, Византия на русском религиозном, политическом и культурном горизонте, *Русско-Византийский вестник*, № 1 (2), с. 17–65.
24. Новикова, Е. Г. (2016), «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., *Имагология и компаративистика*, № 1 (5), с. 44–51. <https://doi.org/10.17223/24099554/5/3>
25. Орешкова, С. Ф. (2018), «Восточный вопрос». Предыстория и война 1877–1878 гг. как его завершение, *Вестник Института востоковедения РАН*, № 2, с. 91–103.
26. Bitis, A. (2006), *Russia and the eastern question. Army, government, and society: 1815–1833*, Oxford: Oxford University Press, 2006.
27. Ламанский, В. И. (1887), Восточный, славянский вопрос, *Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества*, № 9, с. 433–440.
28. Медоваров, М. В. и Снежницкая, С. И. (2019), Раскол среди поздних славянофилов и роль В. И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.), *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, № 5, с. 38–47.

29. Ламанский, В. И. (1888), Открытый ответ генералу Кирееву, *Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества*, № 4–5, с. 203–235.
30. Ламанский, В. И. (1869), Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка, *Журнал министерства народного просвещения*, Ч. СХЛІ, с. 123–163.
31. Ламанский, В. И. (1876), Россия уже тем полезна славянам, что она существует (посвящается И. С. Аксакову), *Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины*. СПб.: В типографии А. А. Каревского, с. 10–33.
32. Ламанский, В. И. (1865), *Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865*, СПб.: Типография Куколь-Яснопольского.
33. Дианова, В. М. (2019), Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX — начала XX века, *Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии*, № 2(6), с. 109–117. <https://doi.org/10.31119/plilog.2019.6.7>
34. Саприкина, О. В. (2013), Польская тема в научном наследии В. И. Ламанского (по материалам архивов Санкт-Петербурга), *Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность*, № 4 (105), с. 93–96.
35. Гейсман, П. А. (1895), *Несколько мыслей по вопросу об отношениях стратегии к политике. По поводу речи В. И. Ламанского в общем собрании членов С.-Петербургского Славянского Общества 10 ноября 1894 г.* (Отдельный оттиск из «Русской Беседы»), СПб.: Печатня Е. Евдокимова.
36. Ламанский, В. И. (1887), Западный, славянский вопрос, *Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества*, № 11, 12, с. 530–539.
37. Долгов, К. М. (2018), Восток, Россия, Запад и Славянство: вопросы мировой геополитики, *Вопросы философии*, № 4, с. 196–204. <https://doi.org/10.31857/S004287440004819-5>

Статья поступила в редакцию 12 января 2022 г.;
рекомендована к печати 5 июля 2022 г.

Контактная информация:

Малинов Алексей Валерьевич — д-р филос. наук, проф.; a.v.malinov@gmail.com

Eastern question in political and geographical teaching of V. I. Lamanskii*

A. V. Malinov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Malinov A. V. Eastern question in political and geographical teaching of V. I. Lamanskii. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 594–611. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.413> (In Russian)

The article deals with the views of the largest Russian Slavist Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) on the Eastern Question. Both his published works and manuscripts are used as sources. It is noted that Lamansky, on the base of the ideas of Slavophiles, formulated an original civilizational and political-geographical doctrine, which was developed in the concept of Eurasians. It is pointed out that the specific feature of Lamansky's approach was a broad philosophical-historical and global-historical view at the Eastern Question. He showed that the significance of the Oriental Question was not limited to the rivalry with Turkey, liberation of the Southern Slavs, capture of Constantinople, and control over the Straits. According to Lamansky, the Eastern Question is an issue of civilizational rifts in Eastern Europe and Asia

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 21-18-00153 (St Petersburg State University).

Minor that lead to the confrontation of two civilizational worlds: the Germanic-Romanic and the Greco-Slavic or the Middle World. The main boundaries of Greco-Slavic civilisation coincide with the borders of the Russian Empire, but the western boundary of this distinctive world remains unstable. Its definition constitutes the main content of the Eastern Question. The political configuration of the Greco-Slavic civilisation corresponds best to the idea of a unified Christian Empire, allowing for different forms of government on different territories. However, the Russian state, as the largest representative of the Middle World, realized a different type of empire - a Europeanizing state, which does not correspond to its global-historical task. The Eastern Question, therefore, was a question issue of mutual relations between the Germanic-Romanic and the Middle Worlds. Lamansky argued that its solution could not be purely military. A favourable resolution of the Eastern Question for the Middle World would be a consequence of its successful internal development.

Keywords: Eastern question, Slavophilism, empire, Lamansky, civilization, political geography, the border.

References

1. Semenov-Tyan-Shansky, V.P. (1915), Vladimir Ivanovich Lamansky as an anthropogeographer and political geographer, *Zhivaia starina*, no. I–II, pp. 9–20. (In Russian)
2. Tyapin, I.N. (2019), The problem of the historical age of Russia in the concept of O. Spengler in the context of the influence of N. Ya. Danilevsky and K.N. Leontyev, *Filosofskii polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniia russkoi filosofii*, no. 2, pp. 37–45. <https://doi.org/10.31119/phlog.2019.6.3> (In Russian)
3. Kupriyanov, V.A. (2018), Russia and Europe in early and late Slavophilism, *Solov'evskie issledovaniia*, no. 2, pp. 21–33. (In Russian)
4. Zadorozhnyuk, E.G. (2016), Anticipation of Eurasianism, *Dialog so vremenem*, no. 57, pp. 24–40. (In Russian)
5. Isaeva, O.S. and Kosharny, V.P. (2015), On the sources of the geosociology of classical Eurasianism, *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 2 (34), pp. 112–120. (In Russian)
6. Medovarov, M.V. (2020), Geopolitical Concepts of Russian Conservatives of the 1890s., *Tetrad'i po konservatizmu*, no. 3, pp. 85–98. (In Russian)
7. Pavlov, P.A. (2017), P.N. Savitsky's "Russia-Eurasia" and the legacy of V.I. Lamansky: geographical and sociocultural "worlds", *Vestnik Tver State University. Series: Philosophy*, no. 4, pp. 137–143. (In Russian)
8. Shirinyants, A.A. (2017), V.I. Lamansky is a Eurasian before Eurasianism, in: *Evraziiskaia ideia i integratsionnye protsessy na postsovetskome prostranstve*, Kokshetau: Kokshetauskii gosudarstvennyi universitet im. Sh. Ualikhanova, pp. 7–17. (In Russian)
9. Lamansky, V.I. (1892), *Three Worlds of the Asian-European continent*, St Petersburg: Tipo-khromolitografiia A. Transhel'ia. (In Russian)
10. Lamansky, V.I. (1871), *On the historical study of the Greco-Slavic world in Europe*, St Petersburg: Tipografiia Maikova. (In Russian)
11. Kiselev, V.S. (2015), Pan-Slavism and the Construction of National Identity in Russian and Polish Literature of the 19th Century, *Rusin*, no. 3 (41), pp. 108–127. <https://doi.org/10.17223/18572685/41/8> (In Russian)
12. Lamansky, V.I. (s. a.) *Lectures on Slavic dialects delivered by Professor of St Petersburg University V.I. Lamansky for 1880–81 acad. year*, [St Petersburg:] Litografiia Grobovoi. (In Russian)
13. Lamansky, V.I. (1891), *Introduction to Slavic Studies. Lithograph*, [St Petersburg]. (In Russian)
14. Lamansky, V.I. (1875), Prominent figures of Western Slavic education in the 15th, 16th and 17th centuries. Historical, literary and cultural essays, in: *Slavianskii sbornik*. St Petersburg: V tipografii Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, pp. 413–584. (In Russian)
15. Alekseev, P.V. (2016), The East in the creative mind of F.M. Dostoevsky during the Crimean War, *Imagologiya i komparativistika*, no. 1 (5), pp. 30–43. <https://doi.org/10.17223/24099554/5/2> (In Russian)
16. Bagaeva, A.F. (2020), Eastern question on the pages of N.A. Nekrasov's "Notes of the Fatherland", *Moscow University Philology Bulletin*, no. 5, pp. 184–194. (In Russian)

17. Boldyrev, A. V. (2019), “Byzantium — a fatal city”: the Eastern question and attempts to “rationalize” it in Russian socio-political discourse (second third of the 19th century), *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*, no. 1 (7), pp. 152–158. (In Russian)
18. Vinogradov, V. N. (2012), Ottoman Empire and Russia. XV — the end of the XIX century, *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1, pp. 98–121. (In Russian)
19. Zhukov, K. A. (2006), *The Eastern question in the historiosophical concept of K. N. Leontiev*, St Petersburg: Aleteiia. (In Russian)
20. Kinyapina, N. S. (1994), *The Balkans and Straits in Russian Foreign Policy at the End of the 19th Century (1878–1898)*, Moscow: Lomonosov Moscow State University Press. (In Russian)
21. Kosik, V. I. (2021), Dostoevsky: the Eastern question, *Slavianovedenie*, no. 1, pp. 85–93. (In Russian)
22. Kotelnikov, V. A. (2004), The Eastern Question in Russian Politics and Literature, *Russkaia literatura*, no. 2, pp. 3–29. (In Russian)
23. Kotelnikov, V. A. (2019), Holy Land, Christian East, Byzantium on the Russian religious, political and cultural horizon, *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 1 (2), pp. 17–65. (In Russian)
24. Novikova, E. G. (2016), “Western Slavs” in the “Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky during the Russian-Turkish war of 1877–1878, *Imagologiya i komparativistika*, no. 1 (5), pp. 44–51. <https://doi.org/10.17223/24099554/5/3> (In Russian)
25. Oreshkova, S. F. (2018), “Eastern question.” Prehistory and War 1877–1878 as its completion, *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*, no. 2, pp. 91–103. (In Russian)
26. Bitis, A. (2006), *Russia and the eastern question. Army, government, and society: 1815–1833*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
27. Lamansky, V. I. (1887), Eastern, Slavic question, *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo slavianskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, no. 9, pp. 433–440. (In Russian)
28. Medovarov, M. V. and Snezhnitskaya, S. I. (2019), The split among the late Slavophiles and the role of V. I. Lamansky in it (1887–1897), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 5, pp. 38–47. (In Russian)
29. Lamansky, V. I. (1888), An open answer to General Kireev, *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo slavianskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, no. 4–5, pp. 203–235. (In Russian)
30. Lamansky, V. I. (1869), Unsolved Question. Article I. On the historical formation of the ancient Slavic and Russian languages, *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, vol. CXLI, pp. 123–163. (In Russian)
31. Lamansky, V. I. (1876), Russia is already useful to the Slavs because it exists (dedicated to I. S. Aksakov), in *Fraternal assistance to the affected families of Bosnia and Herzegovina*. St Petersburg: V tipografiia A. A. Karevskogo, pp. 10–33. (In Russian)
32. Lamansky, V. I. (1865), *Centenary memory of Mikhail Vasilyevich Lomonosov. April 4, 1865*, St Petersburg: Tipografiia Kukul'-Iasnopol'skogo. (In Russian)
33. Dianova, V. M. (2019), The Polish question as interpreted by Russian intellectuals of the 19th — early 20th centuries, *Philosophical polylogue*, no. 2 (6), pp. 109–117. <https://doi.org/10.31119/pillog.2019.6.7> (In Russian)
34. Saprikina, O. V. (2013), The Polish theme in the scientific heritage of V. I. Lamansky (based on materials from the archives of St Petersburg), *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaia bezopasnost'*, no. 4 (105), pp. 93–96. (In Russian)
35. Geisman, P. A. (1895), *A few thoughts on the relationship of strategy to politics. Regarding V. I. Lamansky in the general meeting of members of the St Petersburg Slavic Society on November 10, 1894 (a separate print from the “Russian Conversation”)*, St Petersburg: Pechatnia E. Evdokimova. (In Russian)
36. Lamansky, V. I. (1887), Western, Slavic question, *Izvestiia S.-Peterburgskogo slavianskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, no. 11, 12, pp. 530–539. (In Russian)
37. Dolgov, K. M. (2018), East, Russia, West and Slavs: issues of world geopolitics, *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 196–204. <https://doi.org/10.31857/S004287440004819-5> (In Russian)

Received: January 12, 2022

Accepted: July 5, 2022

Author's information:

Alexey V. Malinov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; a.v.malinov@gmail.com